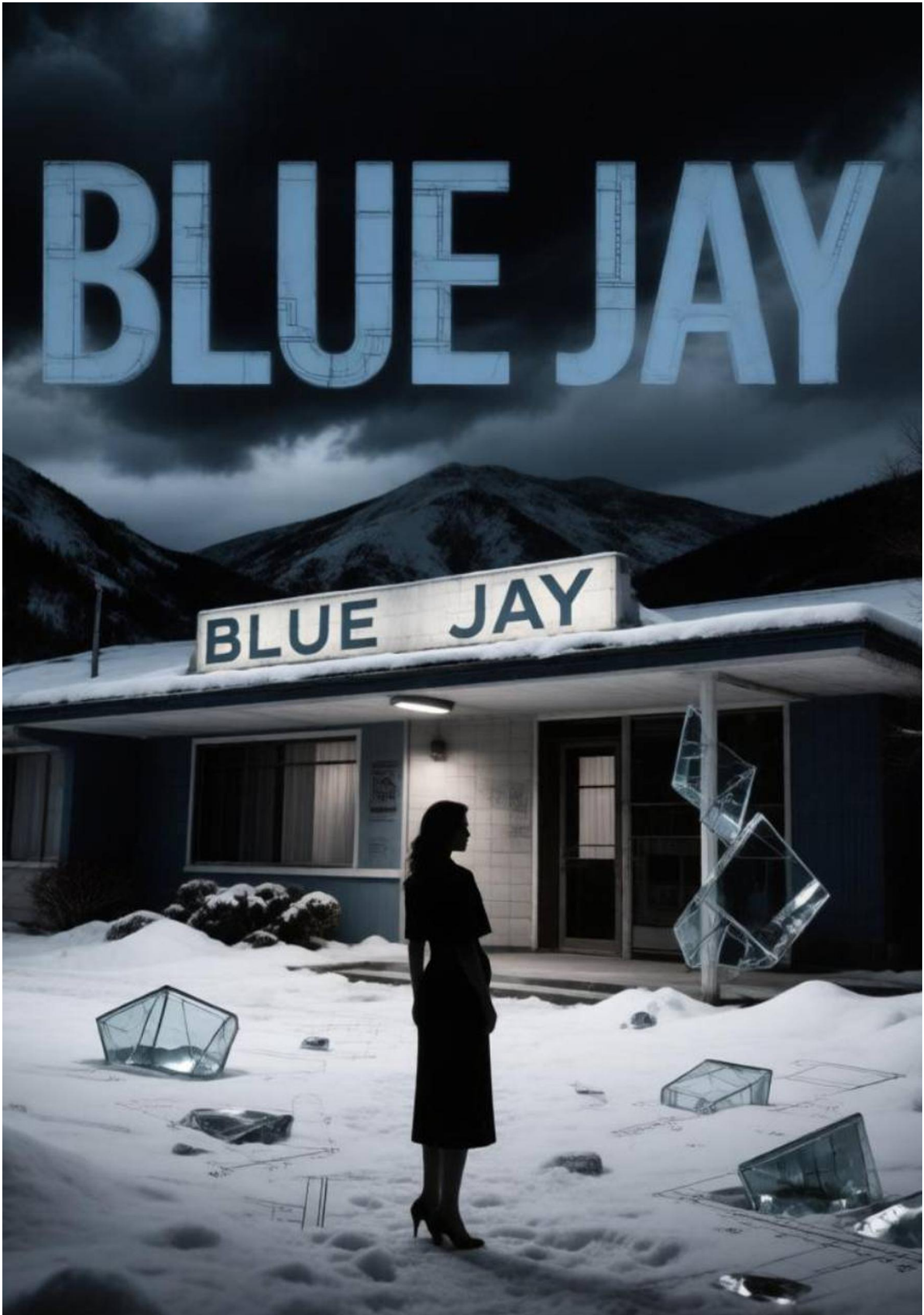

BLUE JAY
BLUE JAY

Иван Рабобык

Мотель "Синяя Сойка"

«Автор»
2026

Рабобык И.

Мотель "Синяя Сойка" / И. Рабобык — «Автор», 2026

«Мотель Синяя сойка» — это история о том, что самая надежная тюрьма строится не из стали и бетона, а из чувства вины. Это масштабная одиссея сквозь лед и стекло, где архитекторы будущего сражаются с призраками прошлого, а единственный способ обрести свободу — это разрушить фундамент, на котором стоит весь мир.

© Рабобык И., 2026
© Автор, 2026

Иван Рабобык
Мотель "Синяя Сойка"

Глава 1. Двадцать миль до цивилизации и одна разбитая фара

Снег в Южной Дакоте в конце октября не падает — он залетает в лобовое стекло горизонтально, залепляя мир густой, ревущей белой массой, похожей на взбитые сливки, в которые плеснули чернил. Элеонора Миллер вжала педаль тормоза в пол до судороги в икре, но тяжелый внедорожник, словно океанский лайнер, проигнорировал команду и продолжил скользить по замерзшему асфальту трассы 385. Антиблокировочная система выла раненой полицейской сиреной, красные огни стоп-сигналов тонули в белой мгле, не успевая даже отразиться от нее.

Мир сузился до светового конуса фар, внутри которого метались обезумевшие белые мухи. Элеонора выкрутила руль, пытаясь уйти от удара, но законы инерции в горах Блэк-Хиллс работали иначе. Удар был глухим, не столько болезненным, сколько унизительно бытовым. Огромный олень, выбеленный зимой до цвета грязного льна, перекатился через капот с тяжеловесной грацией мешка с почтой и исчез в кювете так же бесшумно, как и появился. Ремень безопасности с силой впечатал Элеонору в кресло, выбив из легких воздух и оставив на груди багровую полосу. Двигатель заглох с сухим щелчком, похожим на выстрел. В салоне повисла абсолютная, ватная тишина, которую нарушал только свист ветра в разбитой решетке радиатора и стук чего-то тяжелого о приборную панель. Элеонора поняла, что это бьется ее собственное сердце — панически, в горле.

Она посмотрела на экран смартфона, словно тот мог спасти ее одной лишь силой своей стеклянной гладкости. «Нет сети». Одно-единственное, издевательски бледное деление Wi-Fi в мотеле на офлайн-карте издевательски мигало в двадцати милях отсюда. До конференц-зала в Рапид-Сити оставалось четыре часа. Если она не появится к девяти утра, контракт на новый терминал аэропорта заберет Ричардсон. Ричардсон, который три года назад увел у нее из-под носа тендер на библиотеку в Милуоки, а потом на приеме у мэра, улыбаясь своими фарфоровыми винирами, спросил, не тяжело ли ей, такой умной и независимой женщине, жить без мужчины, который мог бы «принимать решения» за нее.

Элеонора ударила ладонью по рулю. Пластик отозвался дешевым, жалким звуком. Она вышла в бурю.

Ледяной ветер, дующий с Черных холмов, мгновенно забрался под кашемировое пальто, обжигая кожу тысячей иголок. Фары выхватывали из темноты лишь плотную стену снега. Запах озона, жженой резины и звериный, железистый дух крови бил в ноздри. Она обошла машину. Передний бампер висел на честном слове, фара разлетелась вдребезги, осыпав радиатор хрустальной крошкой, а на капоте зияла глубокая, уродливая вмятина. Олень, кажется, отделался легче.

До мотеля «Синяя сойка» она доползла через сорок минут, ориентируясь по тусклому, больному пятну света, который, казалось, висел в воздухе сам по себе, игнорируя законы физики и бушующую метель. Здание выглядело как декорация к фильму Дэвида Линча: длинное, покосившееся одноэтажное строение из выцветшего дерева с широкой верандой и неоновой вывеской, где буква «Й» в слове «СОЙКА» давно перегорела, превратив название в

«Синяя сок». Краска на стенах пузырилась от старости, а крыльцо просело под тяжестью собственного уныния.

Дверной колокольчик звякнул с похоронным звоном, когда Элеонора ввалилась внутрь, таща за собой шлейф холода и паники. Внутри пахло старым деревом, мокрой псиной, застарелым табачным дымом, который въелся в обои, и дешевым дезинфицирующим средством с запахом хвои. За стойкой, под лампой с желтым абажуром, на которой оседала пыль, сидел человек, которого природа, казалось, вылепила из того же розового гранита, что и гору Рашмор в тридцати милях к северу. Глубокие морщины, седая косица, стянутая кожаным шнурком, и взгляд, в котором не было ни капли удивления при виде промокшей до нитки женщины в пальто за две тысячи долларов. Он медленно протирал стакан толстого стекла грязной тряпкой.

— Один номер, — выдохнула Элеонора, стряхивая с волос подтаявший снег. Пар шел изо рта густыми клубами, оседая инеем на ресницах. — Самый лучший. Мне нужен телефон. Спутниковый, стационарный, рация лесничего, что угодно. У меня завтра в девять утра презентация всей моей жизни, и если я не выйду на связь, чтобы утвердить финальные рендеры, контракт уйдет к Ричардсону, а я...

Хозяин — его бейдж, приколотый к выцветшей фланелевой рубашке, гласил просто «Хэнк» — медленно снял очки в проволочной оправе и начал протирать их подолом той же рубашки. Он делал это с такой методичной неторопливостью, что Элеонора захотелось выхватить у него очки и протереть их самой, лишь бы ускорить время.

— Буря, мэм, — сказал он так, будто сообщал прогноз погоды на выходные, хотя для них завтра могло и не наступить. — Дорогу на перевал закрыли час назад. Шайенн-Крик разлился, мост затопило. Шериф пытался проехать на снегоходе, но его чуть не унесло в каньон. Вы здесь минимум на три дня. Спутниковый телефон был у шерифа, но шериф уехал в Рапид-Сити вчера утром. До него тоже не дозвониться, вышки легли. Электричество от генератора, так что вода горячая есть. Пока есть.

Элеонора почувствовала, как дорогой ковер под ногами уходит из-под ног, а комната начинает опасно крениться. Три дня. Для архитектора, чей график жизни расписан в Outlook с шагом в пятнадцать минут, три дня без связи были равносильны смертному приговору. Ее карьера, ее репутация, ее право на существование в этой индустрии держались на завтрашнем слайде.

— У вас есть здесь хоть какой-то интернет? — голос сорвался на визг, который ей самой показался чужим. — Старый телефонный аппарат? Розетка? Голубиная почта? Я заплачу. Пятьсот долларов. Тысячу. Только дайте мне канал связи.

— Есть печка, — невозмутимо ответил Хэнк, кивнув в сторону чугунной «буржуйки» в углу холла, от которой шло благословенное, обжигающее тепло. — И кофе. Растворимый. Бразильский. Номер пять. В конце коридора. Дрова на крыльце, слева от дохлого койота, который там лежит с восемьдесят девятого года.

Он протянул ей латунный ключ с тяжелым деревянным брелоком, на котором облупившейся краской был выведен номер. Пять.

Когда она открыла дверь своего временного узилища, в нос ударил запах застарелого сигаретного дыма, дешевого цветочного освежителя «Сирень и химикаты» и влажных поло-

тенец. На стене, выкрашенной в цвет мятной жвачки, висел выцветший гобелен с индейским воином, целящимся из лука в пустоту. Элеонора швырнула сумку на кровать, которая жалобно скрипнула старыми пружинами, протестуя против такого веса.

Она рухнула на единственный стул — пластиковый, садовый, выкрашенный в кислотно-зеленый цвет — и достала ноутбук. Батарея — 12%.

«Терминал "Эволюция". Концепт-схема». Идеальные линии, стекло, бетон, свет. Симфония порядка и человеческого превосходства над природой. Она увеличила масштаб. Каждая линия была выверена. Каждая тень — просчитана. Она представила, как завтра выйдет на сцену, как включится проектор, как Ричардсон будет сидеть в третьем ряду со своей самодовольной ухмылкой.

Внезапно за стеной — в номере четыре — что-то с тяжелым грохотом рухнуло на пол. Не стул, не сумка. Что-то массивное, человеческое. Раздался глухой, звериный звук, похожий на рыдание, которое человек пытается подавить, уткнувшись лицом в подушку, чтобы соседи не услышали.

Элеонора замерла. В этом богом забытом месте, отрезанном от мира тремя днями бурана, она была не одна. И судя по звукам, ее соседу сейчас было гораздо, неизмеримо хуже, чем ей. Вся ее карьера, Ричардсон и терминал «Эволюция» вдруг показались мелкими, бумажными декорациями кукольного театра.

Она подошла к тонкой фанерной стене, разделяющей их номера. Обои в цветочек в этом месте пузырились от сырости, а в углу темнело старое пятно, похожее на кровь или пролитый вишневый сок. Звук повторился — тяжелый, содрогающийся вздох, переходящий в стон, в котором было столько боли, что у Элеоноры свело скулы.

Элеонора стояла в коридоре, пока звон льдинок не затих, сменившись тяжелым гудением старых труб. Ледяной сквозняк исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь запах озона и сырой шерсти. Она смотрела на закрытую дверь своего номера. Латунная цифра «5» казалась раскаленной.

Логика, ее единственный верный инструмент, дала сбой. Печатные машинки не звонят. Замки не открываются сами по себе. И свет не может быть лунным, когда небо затянуто свинцовой массой, плюющейся ледяной крошкой.

Она сделала шаг к двери. Пальцы, сжимавшие латунную ручку, были ледяными, но металл показался ей обжигающим.

— Элеонора, — голос Генри прозвучал сверху, со второго этажа. Он был хриплым, но в нем больше не было той пьяной пустоты. — Я сказал, не открывать.

Она обернулась. Генри стоял на верхней площадке лестницы, опираясь рукой на перила. В полумраке его сгорбленный силуэт казался монолитным, вытесанным из того же гранита, что и лица президентов на горе Рашмор. Он тяжело дышал, словно преодолел не лестничный пролет, а подъем по отвесной скале.

— Там что-то есть, — прошептала она, не узнавая собственного голоса. — В моей комнате.

— Там то, что вы принесли с собой, — отрезал он. — Спускайтесь в холл. К печке. И возьмите с собой только то, что можете унести в одной руке.

Он исчез в темноте коридора второго этажа. Элеонора осталась одна. Правило «не открывать» боролось в ней с врожденным, почти болезненным стремлением к контролю. Она должна была знать. Должна была включить свет, убедиться, что это просто замысловатая игра сквозняков, старая проводка и расшатанные нервы.

Она нажала на ручку. Дверь поддалась с пугающей легкостью, не издав ни звука.

Внутри было холоднее, чем в коридоре. Морозный воздух обжег легкие. Элеонора шагнула внутрь, выставив руки вперед. Ее пальцы тут же наткнулись на что-то гладкое, холодное и металлическое. Она взвизгнула, отдернув руку, но тут же поняла — это был край ее собственного ноутбука, стоящего на столе.

Она нащупала на стене у входа старый поворотный выключатель. Раздался сухой щелчок.

Лампочка под потолком вспыхнула, моргнула и залила комнату тусклым, дрожащим янтарным светом.

Комната была пуста.

Садовый стул стоял на месте. Сумка лежала на кровати. На столе, рядом с ноутбуком, стояла чашка с недопитым остывшим кофе. Печатная машинка на тумбочке у окна была мертва — пыльная, с заклинившей кареткой. Никакого лунного света. Никакого звона.

Элеонора выдохнула. Это был просто стресс. Галлюцинация от кислородного голодания и переизбытка адреналина. Ричардсон сейчас наверняка сидит в тепле, пьет свой обезжиренный латте и ухмыляется.

Она шагнула к столу, чтобы забрать ноутбук и зарядку.

В этот момент экран ноутбука, который она точно выключала перед тем, как выйти в коридор, вспыхнул.

На черном фоне медленно, буква за буквой, пополз белый текст. Это не был интерфейс Windows. Это не был браузер. Текст появлялся прямо на матрице, словно выжигался кислотой.

«ТЫ БЕЖИШЬ НЕ ТУДА».

Элеонора замерла, вцепившись в край стола. Кончик ее указательного пальца, лежащий на тачпаде, начало мелко, болезненно покалывать. Буквы на экране замерцали, налились кроваво-красным цветом и сменились.

«ДОКАЖИ ИМ. ДОКАЖИ РИЧАРДСОНУ».

— Какого черта... — выдохнула она.

Она ударила по клавише выключения. Экран погас. Она выдернула шнур питания из розетки. Текст не исчез. Он продолжал гореть на черном стекле, теперь уже цвета высохшей крови.

— Это не смешно! — крикнула она в пустоту мотеля. — Хэнк! Какого дьявола здесь происходит?!

В ответ из коридора донесся звук тяжелых шагов. В дверном проеме возник Генри. Он больше не сутулился. Он стоял прямо, заполнив собой весь проем, и смотрел на экран ноутбука. Его лицо в желтом свете лампочки стало жестким, как камень.

— Вы прикасались к этому? — спросил он, кивнув на стол.

— Оно само! — Элеонора трясущейся рукой указала на монитор. — Оно знает мое имя. Оно знает про Ричардсона. Это какой-то изощренный розыгрыш? Скрытая камера?

Генри подошел к столу. Он не смотрел на текст. Его взгляд был прикован к чашке с кофе. Пар от кофе, который давно должен был остыть, поднимался тонкой, идеальной спиралью.

— Это не розыгрыш, — тихо сказал он. — И не Хэнк. Хэнк просто наливает бурю в стаканы. Он не умеет ее разливать по комнатам.

Он протянул руку и накрыл ладонью горящие на экране слова.

Элеонора зажмурилась, ожидая крика, запаха паленой плоти, чего угодно. Но Генри просто стоял, упираясь ладонью в выключенный монитор. Его плечи дрожали.

Когда он убрал руку, экран был абсолютно черным и холодным. Надпись исчезла.

— Она питается не электричеством, — сказал Генри, не оборачиваясь. Он смотрел в окно, за которым бесновалась метель. — Она питается страхом. Вашим страхом потерять то, чего у вас на самом деле нет.

Элеонора сглотнула ком в горле.
— Откуда вы знаете про Ричардсона?

— Я знаю про всех, кто останавливался здесь, — он наконец повернулся к ней. В его выцветших глазах больше не было безумия, только бесконечная, выжженная дотла усталость. — Этот мотель — дурное место, леди. Геологический разлом под фундаментом, старые индейские тропы, бог знает что еще. Буря открывает двери, которые должны быть заперты. Те, кто приезжает сюда с дырами в душе, оставляют здесь свои призраки. А иногда... иногда призраки забирают их вещи.

Он подошел к печке в холле, взял кочергу и с силой ударил по чугунной дверце. Раздался гулкий, чистый звон металла.

— Ваша карьера, ваш лофт, ваш бывший муж — это все конструкции, Элеонора. Архитектура на песке. Когда вы бежите так быстро, ветер сдирает с вас кожу. И то, что осталось под ней, сейчас бродит по коридорам этого мотеля.

Элеонора стояла посреди своей ледяной комнаты, глядя на черный экран ноутбука. Она привыкла измерять успех в квадратных футах и цифрах на банковском счете. Но сейчас, в свете дрожащей лампочки, под взгляд человека, который только что потушил огонь голой рукой, все ее достижения казались размером с тот самый садовый стул — хлипкими, пластиковыми и уродливыми.

— Что мне делать? — спросила она. Впервые за десять лет этот вопрос не был частью переговоров. Это была капитуляция.

Генри тяжело опустился на ступеньку лестницы, ведущей наверх. Он выглядел так, словно постарел на десять лет за последние пять минут.

— Ждать, — сказал он. — Буря не уйдет, пока не насытится. А мы... мы будем ее кормить.

Он достал из кармана куртки плоскую флягу, свинтил крышку и сделал долгий глоток. Протянул ее Элеоноре.

— Пейте. От вашего «Блю Кюрасао» со льдом здесь толку не будет. Это кукурузный. Выдержка — минут пять. Но горит хорошо.

Элеонора посмотрела на флягу. От нее пахло дешевым спиртом, дымом и мужчиной, который не мылся со вчерашнего дня. Ричардсон упал бы в обморок от одного запаха.

Она взяла флягу. Металл обжег пальцы. Элеонора Миллер, чье утро всегда начиналось с органического смузи и проверки котировок, запрокинула голову и сделала глоток.

Спиртное ударило по горлу, как расплавленный свинец, выжигая путь вниз. На глазах выступили слезы. Она закашлялась, сгибаясь пополам, но в груди внезапно разлилось тепло, отгоняющее могильный холод комнаты.

Генри забрал флягу и убрал ее в карман.

— Добро пожаловать в «Синюю сойку», — хрипло сказал он. — Номер пять проклят. Номер четыре — тоже. Но в номере семь, где я остановился, призраки хотя бы свои.

Он поднялся, опираясь рукой о стену.

— Идемте. Хозяин оставил на плите бобы. Если их не разогреть, они станут тверже вашего терминала в аэропорту. А нам понадобится много калорий. Эта ночь будет долгой.

Он пошел в сторону кухни, его тень на стене холла казалась огромной, отбрасываемой не одним человеком, а целой горой. Элеонора осталась стоять в дверях своего номера, глядя на черный ноутбук. Она сделала шаг назад, перешагивая порог, и плотно закрыла за собой дверь, отрезая ледяную пустоту комнаты от тусклого света холла. Впервые за этот вечер она пошла не туда, куда планировала ее календарь в Outlook, а туда, куда вел ее человек с разбитыми костяшками и глазами цвета Блэк-Хиллс.

Кухня мотеля «Синяя сойка» пахла хлоркой, застарелым жиром и сладковатой гнилью, идущей из-под старой мойки. В центре стоял длинный стол из клееной сосны, покрытый пла-

стиком, имитирующим дуб. Генри щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнула единственная голая лампа, заливая пространство мертвенным, хирургическим светом.

— Садитесь, — бросил он, кивнув на стул. — Спиной к стене. И не смотрите в окно.

Элеонора опустилась на край сиденья. Пластик был липким. Она обхватила себя руками, пытаясь сохранить остатки тепла и собственного достоинства, но дорогой кашемир казался сейчас жалкой насмешкой. Генри гремел у старой газовой плиты. Он открыл тяжелую чугунную кастрюлю, и по кухне поплыл густой, сытный запах тушеной фасоли с копченостями — запах дешевых придорожных дайнеров и долгих зимних ночей.

— Ешьте, — он поставил перед ней облупленную эмалированную миску, полную темно-бордовой массы, и положил рядом пластиковую вилку. — Когда тело сыто, призракам сложнее найти щель в вашей голове.

— Я не голодна, — автоматически ответила Элеонора, глядя на фасоль. Ее желудок, привыкший к безглютеновому хлебу и лососю на пару, сжался от одного вида этого варева.

Генри тяжело опустился напротив. Он больше не сутулился, но казался высеченным из камня — неподвижным и тяжелым. Он пододвинул свою порцию, взял ложку и начал есть. Медленно, механически, глядя не в миску, а куда-то сквозь стену.

— Ешьте, — повторил он, не поднимая глаз. — Это приказ старшего смотрителя.

Упоминание его прошлой жизни сработало лучше любого аргумента. Элеонора взяла вилку. Металл был холодным и слегка погнутым. Она подцепила фасоль. На вкус она оказалась неожиданно пряной, с отчетливой нотой копченой паприки и жгучего перца. Тепло начало разливаться по пищеводу, прогоняя ледяные мурашки.

— Вы сказали, что призраки забирают вещи, — нарушила тишину Элеонора, просто чтобы не слышать, как ветер вгрызается в обшивку мотеля. — Мой ноутбук...

— Он не забрал его, — Генри отложил ложку. — Он показал вам то, что вы прячете даже от себя. Ваша машина разбита. Ваша связь с миром — это кусок стекла и пластика. Вы так боитесь выпасть из системы координат, что готовы вцепиться в нее зубами, даже когда она ведет вас в пропасть.

— Вы ничего обо мне не знаете, — огрызнулась она, но слова прозвучали слабо. Тепло от еды и кукурузного виски делало свое дело — броня из цинизма начала давать трещины.

— Я знаю, как пахнет выгорание, — он посмотрел на нее в упор. Его глаза, обычно тусклые, сейчас казались двумя осколками обсидиана. — Я тридцать лет смотрел, как туристы приезжают в парк с горящими глазами, чтобы сделать фото на фоне заката, а уезжают с пустыми лицами, потому что гора Рашмор не дала им ответов. Вы бежите не от Ричардсона. Вы бежите от тишины. В тишине вам пришлось бы признать, что ваш терминал «Эволюция» — это просто очень дорогая, очень стеклянная клетка.

Элеонора сглотнула. Комок фасоли встал поперек горла. Он бил точно в цель, этот мрачный лесник с разбитыми руками.

— А вы? — спросила она, меняя тему, чтобы не разрыдаться прямо над миской с бобами. — Что бежит за вами?

Генри замер. Ложка в его руке дрогнула. Он медленно положил ее на стол. Звук удара эхом разнесся по кухне.

— За мной никто не бежит, — его голос стал низким, вибрирующим. — Я сам за ней иду.

Он расстегнул верхние пуговицы фланелевой рубашки. На его груди, на простой серой футболке, висел на кожаном шнурке маленький предмет. Это был не крест и не армейский жетон. Это был крошечный, не больше фаланги пальца, свисток, выточенный из кости. Резьба на нем была стерта от времени.

— Это ее, — сказал Генри. — Свисток для отпугивания горных львов. Подарок на двенадцатилетие. Она никогда им не пользовалась. Говорила, что не хочет пугать белок.

Элеонора смотрела на кость. В ней не было ничего зловещего, только безмерная, физическая тяжесть утраты.

— Сегодня годовщина, — продолжил Генри, и его пальцы сжались в кулак так, что побелели костяшки. — Я приехал сюда, чтобы... закрыть счет. Мы останавливались в номере семь. В последний раз. Перед тем как она ушла на Тропу Пиков. Я должен был просто посидеть там. Вспомнить, как она смеялась, когда Хэнк рассказывал ей про дохлого койота. Но мотель... он учуял. Он всегда чует годовщины.

Внезапно свет лампы над столом мигнул. Раз, другой.

Генри напрягся, как струна. Его взгляд метнулся к двери, ведущей в холл.

— Началось, — прошептал он.

Снаружи, перекрывая вой бурана, раздался звук. Тонкий, пронзительный, на грани ультразвука. Свист.

Элеонора вздрогнула. Это был звук ветра, застрявшего в щели, но в нем была мелодия.

Генри вскочил, опрокинув стул. Пластик с грохотом ударился о линолеум.

— Не двигайтесь, — прошипел он. — Что бы ни случилось, не выходите из круга света.

Он метнулся к стене у входа, сорвал с крюка тяжелое брезентовое пальто и накинул его на плечи Элеоноры, укутав ее с головой. Ткань пахла дымом, потом и дешевым табаком.

— Дышите под ним, — приказал Генри. — Не смотрите.

Он шагнул в темноту холла.

Элеонора осталась сидеть в коконе из брезента. Свет лампы над столом теперь казался крошечным, уязвимым островком в океане мрака. Она слышала тяжелые шаги Генри в холле, звон металла — он схватил кочергу от печки — и снова этот свист. Теперь он был ближе. Он шел не снаружи. Он шел по коридору второго этажа, медленно спускаясь вниз по скрипучим ступеням.

Скрип. Свист. Скрип. Свист.

Ритм был детским. Легким.

Элеонора зажмурилась, вжимаясь в спинку стула. Брезент пах мужчиной, но под этим запахом она уловила другой — едва уловимый, фантомный аромат. Клубничный шампунь и озон после грозы.

— Папа? — голос раздался прямо из холла. Он был звонким, чистым, с той самой капризной, звенящей ноткой, которую Лора всегда использовала, когда хотела получить новую игрушку. — Папа, ты обещал показать мне Млечный Путь. Почему ты прячешься на кухне?

Генри в холле издал звук — не то стон, не то рык раненого зверя.

— Уходи, — прохрипел он. — Лора, девочка моя, уходи. Ты не настоящая.

— Но я замерзла, папа, — в голосе послышались слезы. — Ты же сказал, что будешь ждать. Ты сбросил звонок. Я ждала тебя у валуна, а потом пришла буря. Было очень темно.

Элеонора, забыв о приказе, высунула голову из-под брезента. Воздух в кухне стал ледяным. Пар изо рта больше не шел — температура упала ниже нуля.

Генри стоял в дверном проеме, ведущем из холла. Он держал кочергу двумя руками, как распятие, выставив ее перед собой. Но смотрел он не на дверной косяк. Он смотрел в пустоту, на уровне колен.

— Я не сбросил, — прошептал он, и по его заросшей щеке поползла слеза, мгновенно замерзая в щетине. — Я просто... я не услышал. Я был пьян, Лора. Я был так чертовски пьян. Прости меня. Пожалуйста, уходи. Ты не должна здесь быть.

— Ты обещал, — голос стал тише, в нем появились металлические, звенящие нотки, как у старой музыкальной шкатулки, у которой садится пружина. — Ты всегда обещаешь.

Из темноты холла, из-за спины Генри, потянуло сквозняком. Но это был не просто холодный воздух. Снег. Мелкая, колючая ледяная пыль начала сыпаться с потолка кухни, оседая на клеенке стола, на мисках с недоеденной фасолью, на плечах Элеоноры.

Генри перехватил кочергу, замахиваясь.

— Я слышу тебя! — закричал он в пустоту, перекрывая свист. — Слышу! Я бросаю пить, слышишь?! Прямо сегодня! Я бросаю все! Только не забирай ее! Не надо снова!

Он ударил кочергой по стене. Сыплющаяся штукатурка смешалась со снегом.

В этот момент Элеонора поняла, что Генри сражается не с призраком. Он сражается со своим собственным, выжженным на подкорке чувством вины. И мотель просто давал ему экран для просмотра этого фильма в формате IMAX.

— Генри, — тихо позвала она, не вылезая из-под брезента. — Она не у валуна.

Генри замер. Кочерга дрогнула в его руках.

— Что? — прохрипел он, не оборачиваясь.

— Вы сказали, она ждала у валуна, — голос Элеоноры дрожал, но она продолжала, вкладывая в слова всю свою архитектурную логику, пытаясь построить плотину для этого потока горя. — Но вы сказали диспетчеру, что она в десяти минутах от базы. Тропа Пиков идет через лес. Там нет валунов на открытом месте. Там есть старая пожарная вышка. Деревянная.

Снег в кухне перестал падать. Свист затих. В холле повисла абсолютная, звенящая тишина, в которой было слышно только тяжелое дыхание Генри.

— Она не могла ждать у валуна, — продолжала Элеонора, чувствуя, как брезент на плечах тяжелеет от налипающего инея. — В десяти минутах от базы по Тропе Пиков находится только одно место, где можно укрыться от ветра, если ты сбился с пути. Старая смотровая площадка лесничества. Вы просто перепутали место в своей памяти. Она не ждала вас на холоде. Она дошла до дерева.

Генри медленно опустил кочергу. Металл со звоном ударился о линолеум. Он сделал шаг вперед, вглядываясь в темноту холла, словно видел там что-то, недоступное глазам Элеоноры.

— Дерево... — выдохнул он. — Старая желтая сосна. У нее раздвоенный ствол. Она всегда говорила, что это ворота.

— Она у ворот, Генри, — мягко сказала Элеонора. — Она не на кухне. Она не в номере пять. Она ждет вас у дерева.

Тьма в дверном проеме холла словно сгустилась, а затем начала редеть, отступать к углам, втягиваясь в щели между половицами. Снег на столе начал стремительно таять, превращаясь в грязную лужицу. Запах озона исчез. Вернулся привычный запах старой фасоли и хлорки.

Свет лампы вспыхнул в полную силу.

Генри стоял в холле один. Он тяжело опирался рукой о косяк. Его плечи сотрясались, но он больше не кричал. Он плакал — беззвучно, содрогаясь всем телом, как может плакать только человек, с которого только что сняли бетонную плиту.

Элеонора сбросила с себя тяжелое, мокрое от талого снега пальто и встала. Ноги затекли, но она сделала шаг из кухни в холл.

Она подошла к нему. Не говоря ни слова, она просто обняла его, уткнувшись лицом в пропахшую дымом фланель. Она гладила его по спине, по широким, каменным лопаткам, чувствуя, как под ее ладонями ходит ходуном его позвоночник.

— У дерева, — повторил он ей в плечо. Голос был сорван в хрип. — Я найду ее. Завтра. Когда кончится буря. Я пойду к дереву.

— Пойдете, — кивнула Элеонора, не разжимая объятий. — А сегодня вы останетесь здесь. Оба.

Они стояли посреди темного, пропахшего сыростью холла «Синей сойки». Двое совершенно чужих людей, связанных теперь общей пустотой, которую только что заполнили чужим, спасительным теплом. Буря снаружи продолжала реветь, но внутри мотеля, впервые за долгие годы, наступила тишина. Правильная, мертвая, исцеляющая тишина.

Элеонора провалилась в сон мгновенно, так и не выпустив из рук холодную железную кочергу. Ее сознание, перегруженное адреналином, виски и чужим горем, отключилось, словно сработавший автомат защиты.

Ей не снились ни Ричардсон, ни падающие стеклянные небоскребы терминала «Эволюция». Ей снился снег. Тот самый, сухой и колючий, что шел в день гибели Лоры. Во сне Элеонора стояла на смотровой площадке Рашмора, но вместо гранитных лиц президентов из скалы проступали черты ее собственного лица — искаженные, каменные, лишенные жизни. Ветер бил в спину, пытаясь столкнуть ее в пропасть, но она не могла даже пошевелиться. Она была частью этого мемориала чужой власти и чужой истории.

Резкий металлический лязг вырвал ее из сна.

Элеонора подскочила на диване, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Кочерга с грохотом упала на дощатый пол, разбудив ее окончательно.

В кухне было тихо. Слишком тихо. Вой бурана за стеной стих, сменившись глухим, монотонным гулом — звуком навалившегося плотного снега. Лампочка под потолком больше не мигала, она горела ровным, мертвым светом.

Элеонора села, плотнее запахнув на себе чужое пальто. Оно пахло теперь иначе — не только дымом и мужчиной, но и чем-то аптечным, резким. Озон.

Она посмотрела на часы на микроволновке. 03:14. Она проспала чуть больше двух часов, но чувствовала себя так, будто разгрузила вагон угля. Тело ныло от неудобной позы, во рту стоял привкус пепла.

Лязг повторился. Он шел не из холла и не из ее проклятого номера. Он шел снаружи. Кто-то скреб металлом по металлу.

Элеонора замерла. Инстинкт самосохранения, дремавший последние несколько часов, ударил в кровь ледяной волной. Генри наверху. Хэнк заперся в своей каморке. Она одна в кухне с разбитым стулом и остывшей фасолью.

Звук был ритмичным. Скррр... Скррр... Словно кто-то пытался счистить лед с бампера машины. Но звук был слишком звонким, слишком чистым для льда.

Она встала, стараясь не шуметь. Ноги затекли, и каждый шаг отдавался тупой болью в икрах. Она сделала шаг к окну над мойкой, единственному источнику света с улицы.

За толстым, в мелких трещинах стеклом не было ничего. Только сплошная, непроницаемая стена белой мглы. Буран проглотил мир.

Скррр... Скррр...

Звук переместился. Теперь он шел от задней двери мотеля, той, что вела из кухни на узкую веранду и к дровяному сараю.

Элеонора схватила кочергу. Холодный металл в руке придал ей странной, извращенной уверенности. Она подошла к двери. Старая деревянная конструкция с облупившейся зеленой краской. Латунная ручка в форме головы льва.

Замок был не заперт. Хэнк, уходя спать, просто набросил крючок. Сейчас крючок тихо подрагивал в петле в такт скрежету.

Она положила руку на задвижку. Пальцы не слушались.

— Кто там? — крикнула она, и собственный голос показался ей чужим, сорванным.

Скрежет мгновенно прекратился.

Наступила абсолютная, звенящая тишина. В этой тишине Элеонора вдруг услышала тиканье. Старинные часы с маятником, которые она видела в холле. Они молчали, когда они с Генри сидели на кухне. Они начали тикать только сейчас.

Тик. Так. Тик. Так.

Секундная стрелка билась о стекло с такой силой, что, казалось, корпус часов вибрирует.

Внезапно в стекло задней двери ударил свет. Яркий, ослепляющий, мечущийся из стороны в сторону. Фары.

Кто-то приехал. Кто-то сумел пробиться через завал, который держал их здесь уже вторые сутки.

Элеонора почувствовала, как внутри все оборвалось. Спасение. Связь. Цивилизация.

Она бросила кочергу на стол — та упала с глухим стуком — и метнулась к двери. Она была готова сорвать крючок, распахнуть ее настежь, вдохнуть запах бензина и выхлопных газов, увидеть нормальную человеческую куртку вместо брезента Генри.

Ее ладонь легла на холодную латунную голову льва.

И в этот момент свет фар за окном мигнул. Раз, другой. И погас.

Снова темнота. Снова тишина, в которой оглушительно тикали часы.

Элеонора отдернула руку от замка, словно он раскалился. Спасение не стучится в заднюю дверь заброшенного мотеля и не гасит фары за секунду до того, как ты откроешь.

Она медленно, на ватных ногах, отошла от двери. Подошла к окну. Прижалась лбом к ледяному стеклу, пытаясь хоть что-то разглядеть в белой мгле.

Там, в десяти футах от мотеля, стоял ее внедорожник.

Она видела его четко, до последней детали, хотя логика кричала, что это невозможно. Машина стояла ровно, не провалившись в кювет. Фары были целы. На капоте не было ни единой вмятины от столкновения с оленем.

Двигатель машины работал. Из выхлопной трубы шел густой, сизый дым, мгновенно растворяющийся в падающем снегу.

Элеонора смотрела на свою машину, на этот символ ее прошлой, контролируемой жизни, стоящий посреди бурана. Ключей у нее не было — они остались в замке зажигания разбитого салона. Бензина после удара оставалось на дне бака.

И тут пассажирская дверь автомобиля плавно, абсолютно бесшумно открылась.

Из теплой, освещенной мягким светом салона мглы на снег шагнула фигура.

Это была она. Лора.

Девочка-подросток в ярко-красной куртке, которая сейчас казалась неестественно яркой, почти фосфоресцирующей. Она была такой же, как на фотографии в номере Генри — щурящейся от солнца, с россыпью веснушек на носу.

Лора обернулась. Она смотрела прямо на Элеонору, сквозь двойное стекло кухни. На ее губах играла легкая, понимающая улыбка. Она не звала. Она просто стояла и ждала.

— Нет, — прошептала Элеонора, вжимаясь в стену под подоконником. — Ты не настоящая. Генри сказал, ты у дерева.

Лора в машине подняла руку. В ней не было костяного свистка. В ней был брелок с ключами от машины Элеоноры. Она помахала им, а затем разжала пальцы.

Ключи беззвучно провалились в снег.

Девочка снова улыбнулась, помахала Элеоноре на прощание и плавно закрыла дверь внедорожника.

Сигнал поворота мигнул один раз — желтый, спокойный, вежливый. Как поворотник на парковке у торгового центра.

А затем машина медленно, задним ходом, начала погружаться в сугроб. Она не ехала по дороге. Снег расступался перед ней, принимая машину в себя, как вода принимает камень. Через десять секунд на месте внедорожника был лишь ровный, нетронутый белый наст.

Элеонора сползла по стене на пол, зажав рот рукой, чтобы не закричать. Это была не ее дочь. Это была не машина. Это была приманка. Мотель видел ее слабость — ее одержимость карьерой, ее стеклянный терминал — и показал ей идеальный финал. Спасение, которое увезло бы ее прямо в ледяную могилу.

Она сидела на ледяном полу кухни, дрожа всем телом. Страх за свою жизнь, который должен был парализовать ее, внезапно сменился чем-то другим. Яростью.

Она посмотрела на лестницу, ведущую наверх. Генри. Он знал, как это работает. Он жил с этим каждый день.

Элеонора поднялась. Ноги больше не дрожали. Она подошла к столу, подняла кочергу и крепко сжала ее в руке. Холодный металл больше не казался чужим.

Она посмотрела на закрытую дверь своего номера. Печатная машинка молчала. Но Элеонора знала — если она сейчас останется здесь, если позволит мотелю просто переждать бурю, она проиграет.

Она сделала шаг к лестнице.

— Генри! — крикнула она, и в ее голосе не было ни капли прежней истерики. Только сталь. — Генри, вставайте! Оно взяло приманку. Оно выходит на охоту!

Сверху не донеслось ни звука. Только тяжелое, размеренное тиканье часов в холле, которое теперь казалось стуком метронома, отсчитывающего время до рассвета.

Элеонора начала подниматься по скрипучим ступеням, навстречу темноте второго этажа. Первая глава ее новой жизни закончилась. Вторая начиналась прямо сейчас, и в ней не было места для спасательных вертолетов.

Глава 2. Номер семь

Элеонора стояла на верхней площадке лестницы, сжимая в руке холодную кочергу. Музыка внизу стихла так же внезапно, как и началась. Тиканье часов в холле отсчитывало секунды, каждая из которых казалась громче выстрела. Она не могла просто стоять здесь. Если мотель выпустил приманку, значит, капкан вот-вот захлопнется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.